

ВАЛЕРИЙ СУРНИН

ИЗ ГРЯЗИ И ОБРАТНО В КНЯЗИ

Валерий Сурнин

Из грязи в князи и обратно

«Accent Graphics communications»

2016

Сурнин В.

Из грязи в князи и обратно / В. Сурнин — «Accent Graphics communications», 2016

В повести «Из грязи в князи и обратно» на фоне хитросплетения взаимоотношений людей (порой с элементами детектива) прослеживается судьба чиновника высокого уровня. Случайные встречи, особенности воспитания и характера, политическая и экономическая обстановка в государстве – всё это определяет действия «героев» книги и событий происходящих в 90-е и 00-е годы. Некоторые эпизоды и сюжеты книги автор имел возможность наблюдать лично, ряд из них определила информация о коррупционных скандалах, постоянно случающихся в России. Название точно соответствует краткому описанию необычной жизни основного персонажа. Переступив грань дозволенного и нарушая законы (в том числе и морально-нравственные), ежедневно находясь под прессом «наркотической» зависимости от денег и «жажды власти» главное действующее лицо повести, добравшись до кресла заместителя министра не может в нём удержаться надолго! Жизнь к нему беспощадна! Но есть, почему то, твёрдая уверенность, что у читателя падение этого, так называемого героя «в грязь» не вызовет сочувствия и сопереживания. Обычные события чередуются с детективными и остросюжетными эпизодами, что вызывает у читателя интерес и желание узнать финал этой увлекательной книги.

© Сурнин В., 2016

© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

Об авторе	5
Предисловие	6
Из грязи в князи и обратно	9
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Валерий Сурнин

Из грязи в князи и обратно

Об авторе

Автор книги Сурнин Валерий Владимирович, капитан 1 ранга в отставке.

Окончил Высшее военно-морское училище радиоэлектроники им. Попова А.С., Военно-морскую академию, философский факультет Университета.

Проходил службу на Тихоокеанском флоте, в Главном штабе Военно-морского флота СССР и России.

После службы в ВМФ возглавлял производственно-торговую фирму в Москве. После возвращения в Санкт-Петербург, работал вице-президентом в оптической компании, в оборонной промышленности. Был президентом производственно-торгового предприятия, директором представительства российско-польской фирмы, вице-президентом театрального фонда, председателем исполнительного комитета межрегионального научнокультурного центра.

В настоящее время один из руководителей Санкт-Петербургского предприятия машиностроения, член правления общественной организации.

Автор более тридцати научных работ, научно-популярной и семи художественных книг, а также песен, представленных в диске под названием «Суть нашей жизни...».

Отмечен клубом «Рекорды России» как автор рассказов, в текстах которых все слова начинаются на одну букву (литературный рекорд).

Песня «Тверь» была признана лучшей песней 2007 года об этом городе, а песня «Бронезилет» (признавалась лучшей патриотической песней) и «Двенадцатый игрок» звучали на радио «Питер ФМ» и «Зенит». Гимн «Лифтовики России» занял первое место на всероссийском конкурсе.

Женат. Имеет двоих детей.

Предисловие

Ежедневно просматривая газеты, вдруг поймал себя на мысли, что почти в каждой из них и почти каждый день есть информация о буднях наших чиновников. Кроме того, перед глазами «бурная» карьера ряда обычных, ничем не примечательных людей, которые неожиданно становятся руководителями правительственных структур, заместителями министров, председателями комитетов... К большому сожалению, не все они являются честными тружениками и «слугами народа», выдерживающими испытание властью и деньгами.

Судьба и карьера каждого чиновника неповторимы. Порой удачны, иногда с трагическим концом...

Данная повесть не претендует на глубокий анализ жизни и деятельности конкретных чиновников. Это лишь попытка представить, как порой могут складываться под влиянием случайных обстоятельств и неожиданных встреч их биографии.

Отмечу, что все события и персонажи в этой повести являются вымышленными, любое совпадение случайно.

Для подготовки к чтению привожу «сухую» информацию из газет последних лет. Как говорится: «без комментариев»!

2015 год. 27 января бывший начальник управления договорных отношений департамента имущества Москвы Денис Васильев получил 10 лет колонии строго режима по обвинению в получении взятки в 100 тысяч долларов. Также он должен выплатить штраф в размере 495 миллионов рублей.

В ночь на 4 марта был задержан губернатор Сахалинской области Александр Хорошавин, ставший фигурантом дела о получении взятки.

30 июля 2014 года бывший министр сельского хозяйства и продовольствия Бурятии Александр Манзанов был признан виновным в злоупотреблении должностными полномочиями и приговорён к двум с половиной годам лишения свободы.

8 августа было завершено расследование уголовного дела в отношении заместителя мэра города Чита Вячеслава Шуляковского, арестованного за взятки.

27 февраля первый заместитель главы администрации Иваново Александр Матвеев был задержан при получении взятки. В итоге – четыре года тюрьмы.

2 января 2013 года был арестован заместитель Главы Минрегиона РФ Роман Панов, обвиняемый в мошенничестве в особо крупном размере по делу о хищении средств, выделенных на саммит АТЭС во Владивостоке.

А хищения в Министерстве обороны России на миллиарды долларов?!

Везде, где есть большие бюджетные деньги, есть и воровство по крупному. В Сочи, например, по результатам масштабных проверок в июне 2012 года хищения более чем на 17 млрд рублей были выявлены при строительстве спортивных объектов к Олимпиаде – 2014.

Арест Губернатора Республики Коми и его подельников в 2015 году, скандалы по воровству при строительстве стадиона в Санкт-Петербурге даже не вызывает удивления.

Масштабные хищения при реализации крупных государственных проектов всё время на слуху.

«Росагролизинг» – хищения на сумму 39 млрд рублей, «ГЛОНАСС» – похищено 6,5 млрд рублей, «Росреестр»-1 млрд рублей.....

«Заместитель министра промышленности и энергетики Республики Коми обвиняется в получении взятки в \$2 млн.»

«Бывший заместитель председателя Госкомрыболовства А.Тугушев арестован за вымогательство взятки в \$3,7 млн.»

«Высокопоставленный чиновник Министерства Финансов России Д. Михайлов арестован за разглашение гостайны и взятку в виде машины»

«Глава Перми А. Каменев арестован за нанесение ущерба бюджету на сумму более 500 млн. руб.»

«Первый заместитель губернатора Челябинской области В. Тимашев арестован за то, что брал «откаты» в 25 % от сумм, выделяемых бюджетом предприятиям».

«Сотрудник федеральной налоговой службы О. Алексеев и сотрудник московского управления Банка России А. Мишин арестованы за получение взятки в \$1 млн.»

«Начальник управления ГИБДД Тюменской области И. Киселев осужден на 5 лет за взятку»

(«Аргументы и факты», № 17, 2006 г.)

«Кредит МВФ в 4,8 млрд. долл. на «стабилизацию финансовой ситуации» перед дефолтом 1998 г. «осел» почти весь в частных карманах, в том числе и высших чиновников страны»

(«Аргументы и факты», № 34, 2006 г.)

«По делу о государственной коррупции в Твери проходят 15 депутатов. Общая сумма взяток – свыше 4 млн. рублей».

(«Комсомольская правда» от 19.09.2007 г.)

«Челябинский вице – губернатор скупил картины на 180 млн. казенных рублей и остался на свободе. И даже при должности».

(«Комсомольская правда» от 07.03.2007 г.)

«Заместитель министра финансов России С. Сторчак арестован по подозрению в покушении на мошенничество в особо крупных размерах».

(«Московский комсомолец» 21–28.11.2007 г.)

«Осуждены: заместитель руководителя департамента Минпромэнерго А. Миськов, Глава Росфиннадзора по Курганской области А. Бердинский в получении взятки в сумме 410 тыс. долл.».

(«Аргументы и факты», № 50, 2006 г.)

«Арестованы: директор федерального фонда обязательного медицинского страхования А. Таранов и с ним еще пять сотрудников за различные злоупотребления».

(«Аргументы и факты», № 49, 2007 г.)

«В июне 2006 г. арестован Член Совета федерации Л. Чахмахчян по обвинению в получении взятки в размере 1,5 млн. долл.»

«01 октября 2007 г. арестован глава департамента Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков генерал – лейтенант А. Бульбов»

(«Аргументы и факты», № 49, 2007 г.)

«Мэр Ставрополя Д. Кузьмин, растратив 1,3 млн. рублей, сбежал за границу. При обыске в кабинете мэра нашли флаг со свастикой».

(«Комсомольская правда» от 13.12.2007 г.)

«Полномочный представитель правительства РФ в Конституционном, Верховном и Высшем Арбитражном судах М. Барщевский в докладе «Природа и структура коррупции в России» делает такой вывод: «В стране сформирована система тотального экономического лоббирования назначения на должности... подтягивания своих людей, на которых уже эта коррупционная система может опираться».

(«Комсомольская правда» от 11.02.2008 г.)

Достаточно... К большому сожалению, это лишь небольшая «статистическая выборка» из длинного списка аналогичных дел, берущих свое начало в 90-годах. Только в 2006 году было вынесено 276 приговоров по уголовным делам о коррупции.

И все же есть определенный оптимизм, основанный на убежденности руководства страны в повышении результативности борьбы с коррупцией.

А что, очень даже может быть!

Из грязи в князи и обратно

*«Опасна власть, когда с ней
совесть в ссоре».*

У. Шекспир

Заместитель министра Константин Владимирович Себякин сидел за столиком и пил виски. Его широкоскулое лицо было красным и каким-то мокрым и рыхлым. Возможно от пота, струйки которого стекали у Себякина по щекам и шее за воротник модной дорогой рубашки. Быть может от слез, которые он смахивал тыльной стороной ладони левой руки, не успевая или не желая воспользоваться носовым платком.

Редкие каштановые волосы также были влажными и Константин Владимирович то и дело доставал расческу и приглаживал их отработанными движениями руки, словно стараясь прикрыть пролысины на голове.

Он был полным и крупным мужчиной высокого роста. Лицо замминистра, даже несмотря на красноту и рыхлость, было симпатичным и привлекательным.

Невзирая на жару, Себякин не снимал пиджак. Он лишь позволил себе расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки и ослабить узел красного шелкового галстука. Очевидно, сказывалась привычка.

Налив в граненый хрустальный стакан очередную порцию виски из литровой бутылки, он, в который уже раз, вытер лицо и тихо произнес:

– Простите меня!

Осушив одним глотком содержимое стакана, Константин Владимирович съел дольку лимона и замер, положив голову на лежащие на столе руки. Сняв солнцезащитные очки, он вновь потянулся за спиртным...

Пели птицы, слышалось стрекотание кузнечиков. Не пугливые, наглые голуби и воробьи, соревнуясь друг с другом, пытались спикировать на стол и ухватить с него что-нибудь из съестного. Себякин нехотя отгонял назойливых «крылатых хулиганов» и вдруг решительно встал. Пошатываясь, он сделал пару шагов вперед и остановился у... надгробного камня. На нем выделялась овальная фотография на эмали с изображением лиц мужчины и женщины. Чуть ниже золотистые надписи фамилий, имен и отчеств, а также даты рождения и смерти. Причем годы и даже дни и месяцы смерти погребенных были одинаковыми.

Это была могила родителей Константина Себякина, похороненных на кладбище города Долгого.

– Константин Владимирович, время! Опоздаем на встречу в Москве. Еще ехать и ехать, – громко прозвучал в тишине кладбища мужской голос.

Себякин обернулся и, тяжело вздохнув, сказал:

– Иду-иду, Антон. Еще минуту.

За оградой могилы стояли трое мужчин в черных костюмах. Короткие стрижки и плотное телосложение, настороженные взгляды и микрофончики с наушниками подчеркивали их принадлежность к охранной структуре. Так оно и было. Все трое работали у Себякина телохранителями. Ему, как заместителю министра, охрана не полагалась, но... Из любого правила есть исключения. А для чиновников закон был не писан почти всегда, а правила и исключения порой менялись местами.

Себякин еще несколько минут постоял у памятника, затем перешагнул через цепочку, условно обозначающую вход и выход, и медленно направился к стоящему неподалеку «Мерседесу».

Бутылка с недопитым виски и кульки с едой остались на столике и на нем уже хозяйничали завсегдатаи кладбища: голуби и воробьи.

В автомобиле Константин Себякин сел на заднее сиденье и закрыл глаза. Работающий кондиционер быстро осушил пот.

«Мерседес» с включенным спецсигналом на крыше и сопровождающий его «Джип» с охраной на большой скорости неслись по шоссе. В областном центре с экзотическим названием Колдобинск Себякин приказал себя разбудить. Но заснуть, как собирался, он не смог.

Побывав на могиле родителей, Константин Владимирович погрузился в воспоминания.

В небольшом городе Долгий Колдобинской области родился мальчик. Это событие было будничным и ничем не примечательным. И только одно обстоятельство выделяло его в ряду себе подобных: от новорожденного отказалась мать!

Причем сделала она это в такой резкой и безапелляционной форме, что попытавшиеся убедить ее забрать мальчика врачи и медицинские сестры, быстро поняли тщетность своих уговоров.

На пятый день женщина незаметно скрылась из родильного дома, даже не забрав паспорт. Потом уже выяснилось, что он был поддельный.

Объявлять розыск этой так называемой матери главный врач роддома не стал: до пенсии ему оставалось около года, и скандалы были не нужны. К тому же, совершенно неожиданно все очень удачно само собой разрешилось. Работающая в больнице уборщицей сорокалетняя женщина по фамилии Себякина на второй день после исчезновения бросившей сына мамыши стала обивать порог кабинета главного врача и просить отдать ей и ее мужу на воспитание этого несчастного ребенка.

И после отказов и выяснений юридических возможностей, а также изучения материального положения семьи Себякиных, эта просьба была удовлетворена.

Вот так в Долгом появился новый житель по фамилии Себякин и сбылась мечта иметь ребенка уже немолодых родителей. К сожалению, Себякина рожать детей не могла, и это было несчастьем не только ее, но и мужа, очень хотевшего воспитать сына.

И вот в сорокалетнем возрасте она стала матерью, а ее муж, в свои сорок пять лет – отцом.

Появившиеся у новорожденного волею случая родители были людьми обычными. Мать сначала работала в родильном доме; а после усыновления ребенка, перешла в одну из школ Долгого на ту же должность уборщицы.

Отец работал на железной дороге. Точнее, работал он электриком на железнодорожном вокзале. Работа не трудная, или как говорят в народе, «не пыльная», но необходимая.

Денег в семье всегда не хватало, к тому же новиспеченный отец был мужчиной пьющим, что не способствовало увеличению семейного бюджета.

После продолжительных и бурных споров мальчика назвали Костей, Константином. На этом настоял отец, кумиром которого был военачальник маршал Константин Жуков.

Родителей Кости Себякина величали простыми именами. Мать – Фаиной, так ее все звали в школе. Или Фаиной Мироновной, так обычно к ней обращались молодые соседки и муж, после того, как в очередной раз отбывал наказание за пьяный дебош, и его отлучали от семейного ложа на неопределенное время.

Отца приемного малыша звали еще проще, чем мать – Владимир. А полностью Владимир Ильич. Но все, кто был в окружении электрика, звали его просто Ильичём.

Фамилию родители Кости также имели незатейливую – Себякины. А это значит, что появившийся на свет мальчуган вскоре стал Константином Владимировичем Себякиным.

Закрыв от удовольствия глаза, Костя пил молоко из бутылочки. А его приемные родители с умиленьем глядели на него и, конечно же, не могли предположить, что через сорок с

небольшим лет их приемного сына будут с опаской и за глаза называть «СКВ». И что эта самая «СКВ» станет критерием состоятельности для многих, в том числе и для их сына.

Пока же, позавтракав молоком, Костя спал безмятежным сном в комнате семьи Себякиных под стук колес проходящих поездов.

Родители малыша, Ильич и Фаина, были очень разными. Фаина – подвижная, моторная, если не сказать нервная женщина с круглым симпатичным лицом, на котором выделялись коричневые глаза и яркие даже без помады губы. Небольшой рост в сочетании с большой грудью и широкими бедрами придавали Фаине соблазнительность и привлекали внимание мужчин.

Однажды в еще молодую уборщицу влюбился врач родильного дома, недавний студент медицинского института. Но ухаживания и серьезные намерения гинеколога оказались тщетными. Фаина Себякина была верна мужу и всегда резко пресекала всяческие попытки предстателей сильного пола оказывать ей знаки внимания.

Мать Кости была женщиной доброжелательной, умеющей при минимуме материальных возможностей создавать и поддерживать в доме семейный очаг.

Ильич был полной противоположностью супруги. Высокий, худой и хмурый мужик с непримечательной внешностью. Он был, как правило, немногословен и не улыбочив. Но стоило Себякину выпить двести граммов водки или самогона, как он преобразался.

Нельзя сказать, что Владимир Ильич при этом становился душой компании, но то, что спиртное добавляло ему радушия и веселости, было бесспорно.

Вот к таким людям и попал маленький Костя. Жили Себякины, как и большинство советских семей в пятидесятые годы, в коммунальной квартире. Дом был старый, полуразрушенный, с печками. Но наличие комнаты, пусть и с многочисленными соседями, было везением. И Фаина, по-своему, была довольна. Она могла приготовить еду на общей кухне, постирать и даже иногда помыться горячей водой.

В небольшой комнате детская кроватка заняла место стоящего раньше у стены сундука с одеждой. Сундук же пришлось вынести в сарай, приспособленный для хранения дров и угля, лампочек и провода. Их Себякин приносил с работы. Лампочки Ильича Фаине нередко удавалось по сходной цене продавать школьному завхозу или, по старой памяти, в роддоме. Тем самым она пыталась слегка улучшить материальное положение семьи.

Люди военных лет и времен правления Сталина, супруги Себякины были бережливы и осторожны в высказываниях. И только у себя в комнате, после выпитых для аппетита нескольких стопок самогона, они позволяли себе критиковать местную городскую и партийную власть, а также своих непосредственных начальников.

Конечно же, сочетание исторических имен – Фаина и Владимир Ильич, окружающими, особенно соседями, часто использовалось для ироничных высказываний, в основе которых было всем известное событие, связанное с покушением Фаины Каплан на Владимира Ильича Ленина.

Однако привыкшие к подобным репликам Себякины уже давно на это не обижались, привычно повторяя фразу: «Чего-нибудь новенькое придумайте!»

... Костик (так звали его родители), рос здоровым, симпатичным и, не в родителем, крупным мальчиком. В детском саду он научился читать по слогам и считать, что выделяло его среди других детей и повышало авторитет перед Фаиной и Владимиром Ильичом, которые на двоих имели восемь классов образования.

В школу Костя пошел с охотой и желанием учиться. Находясь под постоянным пристальным взглядом матери, но уже в семь лет очень стесняясь того, что она работает уборщицей, Себякин стал постигать азы образования.

Учился он без троек и был твердым «хорошистом», как говорил классный руководитель – учитель физики Петр Фомич Нейман – на родительских собраниях.

Страной в это время руководил «лично» Леонид Ильич Брежнев. Продовольственных товаров не хватало и «десанты» жителей Долгого, периодически «высаживаясь» в Москве и Ленинграде, итурмовали в этих городах гастрономы. Впрочем, туалетная бумага, зубная паста, носки и прочие «излишества» быта также были в большом дефиците. Но бесплатное образование и медицинское обслуживание, определенные социальные гарантии скрашивали в основном бедную жизнь людей.

Вот и взрослые члены семьи Себякиных в целом были довольны развитым социализмом, но иногда у себя в комнате все же гневно выступали с резкой критикой, как Брежнева, так и правительства.

Перспектив получить отдельную квартиру в ближайшие годы они не имели, а заработанных Фаиной и Владимиром Ильичем денег едва хватало на неприхотливую еду и дешевую одежду.

В пятом классе Костя Себякин понял, что он обречен влачить жалкое существование, носить по несколько месяцев две старые, застиранные рубашки, стоптанную обувь, купленную по случаю у спекулянтов, и неоднократно заштопанные матерью носки.

Родители его быстро старели, но своего социального положения и места в обществе изменить не могли. Отношение к ним со стороны окружающих, как все чаще замечал Костя, было снисходительным, а порой и пренебрежение сквозило в поступках и словах людей, имеющих дело с уборщицей Фаиной и электриком Ильичем.

Однажды Костя пришел из школы раньше обычного (отменили два урока из-за болезни учителя). Дома он застал отца. У Владимира Ильича был «отгул» и он, пребывая в легком подпитии, сидел за столом, уставленном бутылками спиртного и закусками. Папа-электрик находился в окружении трех мужиков в мятой одежде, которые шумно, что-то обсуждали.

– О, подрастающее поколение! Привет, Костик! – закричал старший Себякин, пытаясь встать из-за стола.

Мальчик смущенно поздоровался с гостями и выскочил из комнаты. Ему почему-то было очень стыдно за отца. Щеки у Кости горели, сердце учащенно билось. Он заперся в туалете и, едва сдерживая слезы, стал думать, что делать дальше.

Владимир Ильич стучал в дверь и требовал, чтобы сын быстрее выходил:

– Костик, неудобно перед гостями! Они подумают, что ты дикий какой-то! Что отца своего не уважаешь. Давай, заканчивай дела и приходи. Папа тебе что-то сказать хочет!

Старший Себякин, в последний раз дернув за ручку туалетной двери, чертыхаясь, нетвердой походкой вернулся к приятелям.

А в это время Костя стоял в маленьком обшарпанном туалете и плакал, размазывая по щекам слезы. Плакал от обиды и безысходности. Отец еще несколько раз приходил и призывал его предстать перед гостями, но все было напрасно.

Через двадцать минут Владимир Ильич выпроводил собутыльников и прилег на кровать. Вернувшись в комнату, Костя увидел неубранный стол, спящего в рабочей одежде отца и вновь слезы выступили у него на глазах.

...Вечером, когда с работы вернулась Фаина, электрик уже бодрствовал. А Костя, не отвечая на его вопросы и попытки установить контакт, делал уроки.

Грязную посуду Ильич до прихода жены кое-как помыл и рассортировал на кухне по полкам, а пустые бутылки из-под спиртного спрятал. При этом, погрозив сыну пальцем, он строго сказал:

– Смотри, Костик, матери – ни гу-гу! А то поссоримся окончательно! Понял меня?

Но, так и не дождавшись ответа, махнул рукой и вышел покурить на улицу.

За ужином царила напряженность. Владимир Ильич неохотно тыкал вилкой в морковную котлету и с опаской поглядывал на сидящего за столом с отрешенным видом сына. Фаина молчала. Усталость отражалась на ее лице и в позе.

Она все чаще и больше уставала на работе, поскольку возраст Себякиной уже предполагал ограничения в физическом труде, а реалии жизни этого сделать не позволяли.

Каждое утро она с трудом, заставляя себя, поднималась с постели и, все меньше и меньше занимаясь своим внешним видом, готовила мужу и сыну завтрак и спешила на нелюбимую и утомительную работу в школе.

– Мам, а завтра у нас на ужин опять морковная гадость? – задал вопрос Костя, оставив тарелку с едой в сторону.

Фаина не отвечала. Она уставилась взглядом в стену и не слышала сына.

Но, спустя несколько секунд, Себякина посмотрела на мужа и раздраженно проговорила:

– Ты бы, Вовка, диван починил! Совсем ведь он у нас развалился!

– Да ладно, мать, не суетись! Починим. Правда, сынок? – отреагировал на реплику жены Владимир Ильич.

– Ты починишь! Когда рак на горе свистнет! – буркнула Фаина, с неприязнью посмотрев на жующего мужа.

– Ты что, сегодня уже с утра причастился? Когда ты успеваешь деньги тратить? Я как белка в колесе кручусь, даже губную помаду купить себе не могу, экономлю на всем! А ты? Все деньги на водку тратишь! У нас же сын растет! Если бы я знала... Сволочь ты, Себякин! Извини меня, Костик, за грубое слово, но я больше не могу! – повышая голос, принялась отчитывать съездившегося супруга Фаина.

– Да я ни в одном глазу! Вечно тебе мерещится! – с показной обидой сказал Ильич.

В комнате наступила тишина. Через несколько минут ее нарушил Костя. Он встал и громко с обидой в голосе сказал, глядя в глаза отцу:

– Да, мама, ты права! Отец пьянствовал сегодня весь день со своими друзьями. Они за два часа до твоего прихода разошлись. А я все это время в туалете просидел. Завтра у меня контрольная работа по математике, а как мне к ней готовиться?

– Ах ты, гаденьки! – крикнул Владимир Ильич, – Отца выдавать! Павлик Морозов – вот ты кто!

Старший Себякин замахнулся на сына рукой, но, не решившись его ударить, выругался и вышел из комнаты.

Этот неприятный эпизод стал первым скандалом в череде последующих ссор и обостренных отношений в семье Себякиных. Может быть, возраст Кости и его уже осмысленный взгляд на жизнь послужили тому причиной. А может быть, это было стечением обстоятельств именно этого периода жизни. Неизвестно...

Но после того вечера очень долго мир и покой, взаимопонимание и симпатия не посещали эту семью. Костя замкнулся в себе и на все расспросы родителей отвечал скупыми фразами, односложно и неохотно. С отцом он старался вообще не разговаривать, а мать избегал в школе, явно стесняясь ее при случайных встречах.

Попытки Владимира Ильича наладить дружеские доверительные отношения с сыном ни к чему не привели...

Однажды старший Себякин даже предложил сыну съездить в Москву на футбол. Посмотреть матч «Спартак» с киевским «Динамо». Но и этот шаг примирения и доброй воли был равнодушно отвергнут Костей.

Фаина же попыталась вернуть расположение сына подарками. Несмотря на маленькую зарплату, она купила Косте новые ботинки и костюм, стала давать мальчику небольшие деньги на карманные расходы. Но все было бесполезно. Летели дни, шли месяцы, а отношения

не налаживались. Так дальше продолжаться не могло, и родители решились на неожиданный, но, по их мнению, примеряющий шаг.

У Владимира Ильича появилась простая, но, по его убеждению, гениальная мысль – отдать сына в военное училище. Будет одет, обут, сыт и под надежным присмотром. Но до окончания школы было далеко, а план хотелось реализовать немедленно.

И решение было найдено! Ведь существуют Суворовские и Нахимовские училища, а в них можно поступать после восьмого класса. Нужно будет только позвонить приятелю, который живет в Ленинграде и попросить его помочь в осуществлении такой замечательной идеи. Он раньше был мичманом – ему и карты в руки.

Так думал Владимир Ильич, уставший от «холодной войны» с сыном.

Конечно, беспокойно было на сердце у Себякина – старшего, когда он обдумывал свои действия по устройству Кости, но ведь он хочет как лучше!

«Я не планирую от него избавиться! Нет! Я его люблю как родного. Но так будет лучше для всех!» – успокаивал себя Владимир Ильич.

Он не знал, как отреагирует Костя на его предложение, но был готов ко всему. Впрочем, в любом случае сын оканчивал только пятый класс, и нужно было мирно существовать еще не менее трех лет. А это, учитывая характер Костики и ухудшающиеся с ним отношения, казалось Владимиру Ильичу сроком долгим и утомительным. Но делать было нечего.

«В своих настоящих родителей, наверное, пошел! По наследству такой характер получил. Что ж, теперь мы с Фаиной его родители и воспитание Костики на нас возложено. Что сделать, что предпринять, чтобы он не был таким нервным? Как на него подействовать? Эх, ученых книг-то я не читал по воспитанию подрастающего поколения, а надо было бы!» – все чаще и чаще предавался грустным размышлениям старший Себякин.

А пока отца досаждали мысли о воспитании сына, сам Костя продолжал учиться. Иногда он раздумывал о своих жизненных перспективах, но смутное представление о мире не позволяло ему выстраивать серьезные планы.

Конечно, в мечтах Костя видел себя богатым и успешным, в отдельной квартире с телевизором и телефоном. Он видел себя директором магазина или начальником железнодорожной станции. А то вдруг загорался желанием служить на флоте морским офицером...

Но приходя домой и глядя на отца, лежащего на неприбранной постели, Костя с тоской садился за стол, чтобы успеть до ужина сделать уроки. В эти минуты он понимал невозможность осуществить свои мечты.

Но бывали мгновения, когда он начинал верить в светлое будущее.

«Все у меня получится!» – засыпая, порой думал мальчик и улыбался этой мысли.

В тусклых, одинаковых для семьи Себякиных буднях, пролетели три года. Нет, конечно же, были и праздничные дни. И 7 ноября, в праздник Великой Октябрьской Революции, и 1 мая, в день солидарности трудящихся, в Долгом все дома были украшены красными флагами, а улицы – растяжками и плакатами, прославляющими КПСС, мир, труд...

Но Косте, считавшему себя уже совсем взрослым человеком, мужчиной, жизнь даже в такое оживленное время казалась скучной и однообразной. Он все больше замыкался в себе. Однако в классе Костя Себякин был на виду. Он пользовался успехом у одноклассниц и даже у молодых учительниц. Не по годам высокий ростом, хорошего спортивного телосложения, с обаятельной улыбкой и голубыми глазами Костя мог уверенно себя чувствовать в любом женском обществе. Но он этого еще не осознавал, а дурное настроение между тем все чаще овладевало им.

В конце августа, когда Фаина Мироновна, изыскав последние финансовые возможности, купила Косте все необходимое для школы, и, казалось бы, сын должен был быть доволен, он сорвался.

За ужином Костя неожиданно стал атаковать отца вопросами. Уже несколько месяцев Себякин-младший обращался к родителям, не называя их «папа» и «мама». При этом речь его была насыщена всяческими колкостями и неуважительными фразами. Вот и на этот раз Костя задавал вопросы грубо, не глядя на Владимира Ильича:

– Ты же хотел меня в Нахимовское училище отдать? Чего не отдаешь? Опять по пьянке все забыл?

– Костик! – с негодованием в голосе вступилась за мужа Фаина.

– Да ладно-ладно, мать! Он по-другому не умеет говорить, – положив руку на плечо жены, необычно тихо проговорил Владимир Ильич.

– Что не отдал тебя в училище, спрашиваешь? Причина одна: все это стоит денег. На дорогу, на питание, на... На еще черт знает что! Вот и приятель мой все к деньгам свел. Обещал помочь, а потом видно заработать на помощи захотел. Такую сумму назвал, что мне дурно стало! Мы с матерью таких денег отродясь не видали. Не умеем мы их добывать в таких количествах. Что ж теперь делать? Вот выучишься, покажешь нам, как большие деньги зарабатываются. Да вот вряд ли, Костик, помощи от тебя дождешься!

– А зачем вам помощь?! Бутылку водки, консервы да морковку можно хоть каждый день покупать даже на ваши гроши. Мать метлой машет, ты лампочки со склада таскаешь – все довольны! А я? Почему я должен в нищете всю жизнь прозябать? Зачем вы меня рожали, если обеспечить нормальное существование не можете?

Вот отдали бы в Нахимовское или Суворовское училище. Было бы всем легче. Нет денег? Так занял бы у своих собутыльников, – зло выговаривал Костя, не обращая внимания на испуганное выражение лица матери, которая даже привстала с табуретки при фразе «зачем вы меня рожали?!»

Наконец Костя закончил свою речь и, опустив голову, стал ждать криков и ругательств в свой адрес. Но бурной реакции родителей не последовало.

Владимир Ильич молча жевал хлеб, и желваки на скулах его худого лица ходили то ли в такт жевательным движениям челюстей, то ли от едва сдерживаемой злости.

Фаина все с тем же испугом на лице, стояла согнувшись у стола. Молчание длилось несколько минут. Его нарушила мать Кости. Женщина глубоко вздохнула и с дрожью в голосе произнесла:

– Ой, Костик! Как же ты так можешь говорить? Мы же с отцом делаем все для тебя, что можем. И ты не хуже, чем твои одноклассники обут и одет. Я ведь вижу в школе. Кто-то может и лучше одевается. Но мы стараемся. Всю жизнь горбатимся, чтобы у тебя все было. Я очень огорчена, сынок. Стыдно-то как!

Фаина Мироновна встала из-за стола и, прикрыв лицо руками, отвернулась к стене.

Отец с неприязнью посмотрел на Костю и, покачав головой, оказал:

– Спасибо, сын. За все спасибо! Я не знаю, как мы будем дальше жить, но твои претензии к матери и ко мне... Когда мы тебя решили взять из...

Владимир Ильич осекся. Увидев, как резко обернулась Фаина и приложила палец к губам, он все понял и, покряхтев, продолжил:

– Короче, возможно, ты и прав. Не знаю. Я жил еще хуже в твоём возрасте, еще беднее. Такая видно судьба у Себякиных. Так уж на роду нам всем написано: кто-то живет в достатке, в богатстве, а кто-то... Может, когда-то тебе все же повезет, и ты выбьешься из грязи в князи! Мы с матерью в это верим.

Замолчав, Себякин-старший закрыл глаза. Костя сидел неподвижно, уставившись взглядом в кровать. Лицо у него побледнело, на лбу появились капельки пота, а губы слегка подергивались. Неожиданно он резко встал, опрокинув табурет, на котором сидел, и выбежал в коридор.

Владимир Ильич тихо выругался и достал из-под кровати маленькую бутылку водки. Четвертинку или «чекушку», как ее прозвали в народе.

В сентябре Костя Себякин пошел в школу возмужавшим за лето, в новом вельветовом костюме. Несмотря на возраст, он уже был маленьким мужчиной. Он все больше был непохож на своих родителей.

...В девятом «Б» писали сочинение. Второе сочинение после летних каникул. С первой темой «Как я провел лето» все справились успешно. Почти одинаковые по содержанию письменные работы отличались лишь количеством ошибок, да почерком. Вторая тема была более трудной и дипломатичной. С некоторым неудовольствием к ней отнеслись почти все. Костя Себякин даже привстал за партой, когда увидел на доске название сочинения «За что я люблю своих родителей?»

Он отложил ручку и тетрадку в сторону и стал демонстративно смотреть в окно.

– Себякин, а ты почему не пишешь? – задала Косте вопрос учительница русского языка и литературы Ирина Олеговна Панфилова.

Ирина Олеговна была молода и красива. Она очень нравилась Себякину.

Он любил ее той мальчишеской любовью, которая могла привести к неадекватным поступкам с его стороны и заставляла учащенно биться сердце, когда девушка с улыбкой смотрела на Костю.

Панфилова видела, как Себякин смущался, разговаривая с ней, и как он пристально смотрел на нее, когда она что-то объясняла на уроке. Это были взгляды не ученика, а влюбленного юноши. Девушка чувствовала это.

Окончив университет в областном центре Колдобинске, Ирина Панфилова всего второй год преподавала в школе города Долгий. Ей нравилась эта работа, нравилось общаться с детьми.

Как все деревенские девушки, попав в областной ВУЗ, она первое время смущалась, но очень быстро освоилась и обрела уверенность.

После окончания университета Ирина получила распределение в районный отдел народного образования города Долгий. После беседы с его руководителем девушку направили в школу № 2, в которой недавняя студентка и стала учителем русского языка и литературы.

Молодость и обаяние, желание работать и открытость в общении привлекали к ней внимание коллег и даже директора школы, мужчину уже немолодого, но не потерявшего интерес к слабому полу.

Настороженное отношение к Панфиловой сменилось симпатией и уважением.

Ученики же сразу полюбили «учителку» Иру и старались не шуметь на ее уроках и готовиться к ним как можно лучше.

У Ирины еще не было молодого человека, «ухажера», как говорил иногда отец Олег Васильевич, за обеденным столом поднимающий тему замужества дочери. Она же отшучивалась и придумывала всевозможные причины для того, чтобы сменить тему разговора. На самом деле Ирине нравился один юноша. Она пыталась не думать о нем, но однажды поняла, что влюблена и ничего не может с собой поделать. Чувство все больше овладевало девушкой, хотя учительница понимала, что любовь между ней и... Костей Себякиным – ее учеником – невозможна! Он был еще слишком молод!

Костя молчал, по-прежнему глядя в окно.

– Себякин, я тебя спрашиваю! О чем мечтаешь? Или вспоминаешь, за что ты любишь отца и мать?

Юноша, зардевшись, взглянул исподлобья на учительницу и тихо сказал:

– А почему вы думаете, что я их люблю? Мне нечего писать о родителях, Ирина Олеговна! Ставьте двойку.

– Ну как же, Костя, можно не любить родителей? Ты шутишь!? Я уверена, тебе есть, что написать по этой теме, – так же тихо, почти шепотом, убеждала Себякина учительница.

Константин ничего не ответил Панфиловой, но взял ручку, макнул перо в чернильницу и начал медленно и неохотно писать сочинение.

... После занятий Ирина Олеговна встретила с Фаиной Себякиной. Разговор двух женщин был непродолжительным, но очень эмоциональным. Со слезами на глазах мать Кости слушала педагога и молча кивала головой, лишь изредка перебивая Панфилову каким-нибудь вопросом.

А в это время Костя Себякин сидел в поезде, который медленно вез пассажиров в столицу Советского Союза.

Костя решил сбежать из дома и посмотреть Москву. Но, конечно не насовсем. Так, на два-три дня. О том, где он будет жить, что есть – парень не задумывался.

Это было его первое самостоятельное путешествие, и он наивно полагал, что впереди его ждут приключения и веселая, интересная жизнь.

Как на его отъезд отреагируют родители? Об этом Костя не задумывался.

До Москвы он не доехал. Выйдя подышать свежим воздухом на платформе областного центра, юноша решил, что в первом путешествии можно ограничиться и такой поездкой. Дождавшись отхода поезда, Себякин направился к тоннелю, по которому можно было добраться до привокзальной площади.

Был солнечный осенний день. Небольшой ветерок и уже почти негреющее, но яркое солнце, желтые листья на деревьях создавали ощущение праздника. Впервые оказавшись в большом городе, юноша с интересом рассматривал мосты и дома, людей, казавшихся ему необычными и успешными. Он впервые увидел трамвай и пароходы, степенно идущие по великой реке, о которой Костя читал в учебнике географии.

Гуляя по набережной, Себякин забрел в парк. Углубившись в него, он неожиданно увидел двух молодых мужчин. Они были в красивых свитерах и вельветовых брюках. На голове одного из них красовался берет черного цвета.

Мужчины сидели на полуразвалившейся скамейке и по очереди «прикладывались» к бутылке водки, занюхивая каждую свою попытку небольшим куском черного хлеба с колбасой.

Увидев Костю, один из мужчин решительно поставил бутылку в урну и встал. Но, быстро поняв, что тревога ложная, сел и с усмешкой спросил юношу, доставая бутылку из «тайника»:

– Ну что, парень, третьим будешь?

Себякин, явно не ожидавший такого поворота событий, остановился и, не проронив ни слова, с опаской поглядывал на первых жителей Колдобинска, вступивших с ним в переговоры. Он не знал, как себя вести.

Мужчина в берете был улыбчивым, а глаза его излучали энергию и доброжелательность. Симпатичное лицо портил лишь ирам на правой щеке. Черные волосы торчали из-под головного убора. Какая-то притягательная сила была в его облике.

«Запоминающаяся личность!» – скользнув взглядом по лицу со ирамом, машинально подумал Костя.

Приятель мужчины с меткой на лице был напротив угрюмым и настороженным. К тому же сутулость и редкие волосы существенно старили его, хотя по всему было видно, что он еще молод.

– Ты что глухонемой? – задал вопрос угрюмый.

– Да нет, – выдавил из себя Костя и вновь замолчал.

– Так «да» или «нет»? Я имею в виду первый вопрос. Ты третьим будешь? И чтобы у нас не было никаких иллюзий, сразу спрошу: ты кредитоспособен? Хорошо, я понял, что вы, сэр, из деревни. Поэтому задам вопрос по-другому.

У тебя деньги есть, чтобы претендовать на место в нашей компании? – витиевато продолжал говорить мужчина со шрамом.

Костя окончательно растерялся. Таких разговоров со взрослыми на равных у него еще не было. Но деньги, которые он накопил за лето, лежали в боковом кармане пиджака и придавали Себякину уверенности.

Костя еще помолчал немного, приходя в себя, и вдруг заявил:

– Меня зовут Константином. Я приехал из города Долгий. Деньги у меня есть, но водку пить я не буду.

Мужчины засмеялись и, протягивая для познания руки молодому человеку, представились:

– Жора. Георгий. Для Вас, юноша, Георгий Сергеевич, – громко сказал наиболее активный в разговоре мужчина в берете.

– Аркадий Семенович, – вяло пожал руку Косте приятель Георгия.

– Какие у вас красивые имена! Необычные! – не удержался от восторженной реплики Себякин.

– Да, Константин, имена у нас действительно необычные. Редкие по красоте у нас имена. Это ты правильно заметил, мой юный друг, – отпив из бутылки очередную порцию водки и аппетитно зажевав ее хлебом, согласился с новым знакомым Георгий Сергеевич.

– А то, что ты не пьешь, молодец! Похвально. Еще успеешь. А родители твои такие же трезвенники? Или ты один в семье такой положительный, а они поклонники «зеленого змия»? – не переставая улыбаться, продолжал задавать вопросы разговорчивый Георгий.

Костя, чуть подумав, неожиданно для себя сказал:

– Нет, родители у меня не алкоголики. Они вообще не употребляют спиртное. Ну, иногда шампанское. По большим революционным праздникам. Но только по очень большим! Да им и нельзя употреблять. Они все время на виду у общественности. Мама завуч в школе, а папа на железной дороге начальник станции. Или по-другому как-то должность у него называется. Его ведь постоянно повышают. Я даже не успеваю следить за его передвижениями по службе. А начинал электриком на вокзале.

– Ишь ты! Слышал, Аркадий? Парень-то не простой судьбы. С такими родителями можно, как сыр в масле кататься! Не то, что мы с тобой, из-под сохи, – усмехнувшись в очередной раз, проговорил Георгий.

Он снял с головы берет, и, вытерев им лицо, сунул его в карман брюк. Костя увидел копну черных взъерошенных волос с небольшой сединой.

– А что ты потерял в Колдобинске? А, Костя? Зачем приехал? – наконец вступил в разговор и Аркадий.

– Да так. Решил посмотреть, что это за областной центр, какие здесь люди живут. Чем занимаются.

– Понятно, Константин. Да ты садись-садись, не стесняйся, – широким жестом указал на скамейку Георгий.

Судя по всему, мужчины находились в приподнятом настроении и были расположены к душевной беседе.

– Ты решил посмотреть, какие люди здесь живут? Да разные люди, Константин. Разные. Например, такие как мы с Аркадием. Вот ты, глядя на нас, думаешь, что мы «алконавты»? Дудки! Мы, конечно, пьющие, спору нет. Но не алкоголики.

А знаешь ли ты, мой юный друг, чем пьющий от алкоголика отличается? Думаю, нет, поскольку ты еще очень молод, чтобы такие философские задачки решать. Объясняю. Пьющий человек пьет, когда хочет и не пьет, если нет желания. А алкоголик пьет каждый день. И когда хочет и даже когда не может. Это у него привычкой становится. Вот сегодня у меня день рождения. Юбилей к тому же! Можно выпить в юбилей с другом? Обязательно! Иначе традицию нарушим. А на традициях земля русская держится. Другое дело, что лучшие бы юбилей в ресторане отметить в кругу друзей и коллег. Еще и родственников пригласить, если они есть.

Но, увы! Нет для этого, Константин, финансовых возможностей. Проще – нет денег. И родители у нас не такие «шишки», как у тебя. У меня, по сути, и не было никогда отца. А мать на пенсии, инвалид. В Омске живет. Еще хорошо комнату маленькую имеет, да соседей нормальных. Ездить к ней часто я не могу, как ты понимаешь. А отец... Не хочу о нем говорить. Не хочу!

А у Аркадия... У Аркадия Семеновича отец два года назад погиб. Убили в лесу. Кто, почему – так и не выяснили. Мать Аркаши погоревала, а через полгода уехала из Колдобинска в неизвестном направлении. Оставила своему взрослому сыну комнатенку в коммуналке и тю-тю! Только мамулю и видели. Ты, Константин, не смотри, что Аркадий такой смурной. Душа у него золотая. Последнее другу отдает! А умный! Не случайно фамилию имеет соответствующую – Гарванец! Живем мы сейчас в квартире, которую снимаем...

Георгий Сергеевич замолчал и внимательно, даже с каким-то подозрением посмотрел на Себякина, сказал:

– Слушай, а что это я перед тобой так откровенничаю? Ты прямо загипнотизировал взрослых мужиков! Далеко пойдешь, если милиция не остановит. Что-то в тебе такое есть, Константин, располагающее.

Ладно, доскажу историю о твоих новых знакомых, раз начал.

Работаем мы на полиграфкомбинате. Станки обслуживаем. Мастера высокого класса, кстати. Работа очень ответственная. У нас, между прочим, фотографии членов политбюро нашей, извини, КПСС печатают.

Учимся на заочном в местном университете. На юридическом – Аркадий, на экономическом – твой покорный слуга. Специальности нужные во все времена и у всех народов. Запомни это, Константин.

Поэтому перспективы у нас с Аркадием замечательные. Вот еще бы власть поменять в нашем государстве!

Сказав последнее предложение, Георгий Сергеевич посмотрел по сторонам и, убедившись, что рядом никого нет, продолжил монолог:

– Но об этом не будем философствовать, поскольку тема опасная! Но ты должен понять, Константин, что мы, работая и участь, выстраиваем базу для будущей жизни. Не всегда же у нас развитой социализм будет! Может быть, когдато как в Европе заживем! Вот к этому мы и готовимся, мой юный друг.

Но и сегодняшней жизни мы рады. Бывает и хуже, как говорится. Бывает и родители есть, и дом, и достаток. А счастья нет! Да что там счастья, элементарной радости нет. Дети с родителями как враги живут. А все почему? Да, потому, Константин, что родители все для детей делают, а те «борзеют»! Извини, что я не литературно выразился. Точнее и культурнее, наглет подрастающее поколение! Вот хорошо у тебя родители такие замечательные. Большие люди и ты ими гордишься. А если бы они на заводе рабочими трудились? Их, значит, уже и любить не за что? Это, Константин...

Георгий Сергеевич, вдруг, прервал свою речь и, поднявшись, тихо сказал:

– Аркадий, уходим. Через несколько минут милиция пожалует. Они нас пока не видят. А встреча с нашими блюстителями порядка всегда чревата неприятностями.

Константин, ты с нами?

Себякин утвердительно закивал головой и с жаром произнес:

– Да-да, конечно! Я с вами. У Вас же юбилей, Георгий Сергеевич, а я Вас не поздравил еще и ничего не подарил.

Аркадий Гарванец с удивлением посмотрел на юношу, но ничего не сказал. Приятели и их юный знакомый направились вглубь парка, не оглядываясь и не останавливаясь. Себякин не отставал от мужчин, но шел чуть поодаль от них.

«Если что, я их знать не знаю!» – мелькнула в голове Константина мысль, которой он тотчас устыдился, вспомнив, как откровенен был с ним Георгий.

Они быстро пересекли парковую аллею и оказались на набережной. Уже расслабленно и спокойно, поняв, что их никто не преследует, двое взрослых и юноша зашагали по мосту. Через некоторое время они оказались у речного вокзала. Прервав долгое молчание, Георгий вопросом возобновил общение:

– Ну и что ты будешь делать дальше, наш приезжий друг?

– Не знаю. А с вами нельзя? – неуверенно спросил Костя.

– С нами? С нами можно, конечно. Но ты же не собираешься жить в Колдобинске?

Себякин вздохнул, не зная, что ответить на такой прямолинейный вопрос. Наконец, собравшись с мыслями, он скороговоркой произнес:

– Георгий, Аркадий... Я рад, что познакомился с вами. Не думайте, я уже не маленький. Я хочу два-три дня здесь побыть, а там видно будет. И если бы я мог у вас переночевать, то... У меня и деньги есть. Ах да, я об этом уже говорил!

Мужчины остановились. Аркадий смотрел на своего друга и ждал решения.

Георгий, помолчав, сказал:

– Видишь ли, Константин, у нас, конечно, есть, где переночевать. Но твои родители? Они же будут волноваться...

– А я им записку оставил, – прервав молодого мужчину со шрамом на лице, соврал очередной раз Себякин. Он говорил, уже не смущаясь лжи. И сам удивился, как быстро привык говорить неправду!

– Не обманываешь? Смотри, я этого не люблю. Ладно, оставайся. А переночевать у меня сможешь. Но завтра мы посадим тебя в поезд и отправим к родителям и учителям. Договорились? – подытожил Георгий и протянул Себякину руку в знак заключения союза.

– Согласен! – улыбнувшись, крепко пожал руку Георгия Сергеевича Костя.

Они зашли в магазин и купили продуктов. Прилавки были почти пустые, но мужчины ухитрились все же какой-то еды купить. Деньги, которыми пытался поделиться юноша, его новые товарищи не взяли.

– Еще успеешь потратиться, – отмахнулся Аркадий.

...Однокомнатная квартира, в которую на правах хозяина привел Аркадия и Костю Георгий, находилась на третьем этаже пятиэтажного дома, именуемого в народе «хрущевкой». Квартира была типовой: крохотная кухня, совмещенный санузел, коридорчик, да небольшая комната с балконом.

Холодильника не было, поэтому продукты решили приготовить сразу. Электроплитка нагревалась медленно, и Аркадий предложил в образовавшейся паузе попить чая.

Развалившись на диване, Георгий Сергеевич вновь начал философствовать:

– Да, Константин, расстроил ты своих родителей. Они ведь сейчас переживают. Может и до инфаркта, не дай Бог, конечно, дойти!

– Не будет никаких инфарктов! Отец у меня толстокожий, а мать поплачет и успокоится. А потом, я же завтра дома буду. Они и расстроиться толком не успеют, – доедая бутерброд, убеждал Георгия Себякин.

– Да, Константин, плохой ты сын! Вот даже стихами заговорил, хотя это мне не свойственно, – с иронией прокомментировал высказывания гостя из города Долгий Георгий Сергеевич.

Он допил чай и с видом начальника скомандовал:

– Так, мужчины, распределим обязанности следующим образом. Аркадий, ты как самый опытный в кулинарии, идешь на кухню и готовишь нам легкий товарищеский ужин. Стол накрываем на три персоны. А я, как юбиляр, отдохну и займусь воспитанием Константина. Возражения не принимаются. Садись, мой юный друг, удобнее и слушай умные речи своего старшего и опытного товарища.

– Итак... Ты куда это? – опешив, спросил Георгий Сергеевич, увидев, как юноша встал со стула и пошел на кухню.

Но уже через несколько секунд Себякин вернулся с очередным бутербродом и, присев рядом с новым знакомым, всем своим видом показал, что готов внимать его речам.

Георгий Сергеевич поднялся с дивана и, расхаживая по комнате, начал монолог:

– Вот опять проявление эгоизма! Пошел на кухню и принес... один бутерброд.

А про своих старших товарищей забыл. Слово и нет их тут! Сиди-сиди, теперь уже поздно суетиться. Но на будущее запомни: вначале необходимо о друзьях подумать, а потом о себе. За друзьями надо присматривать. Кормить их, веселить, помогать! Ну ладно! Значит, ты учишься в девятом классе и тебя все достали нравоучениями? А ты и так все знаешь, умудрен опытом, богат знаниями. Тебе надоело выслушивать каждый день одно и то же, ты сел в поезд и «гуд-бай», как говорят англичане. Ну, что же, Константин, картина знакомая! Только вот что я тебе поведаю, товарищ Пржевальский. Мы с Аркадием Семеновичем находимся в таком возрасте, когда много чего уже знаешь и умеешь. А жизненного опыта все одно – маловато. Мы люди с Гарванцем серьезные, но иногда расслабляемся. Без этого нельзя. То, что сегодня мы выпивали, на это есть причина. Не буду повторять, какая. Кстати, очень не советую водить дружбу с «зеленым змием!» Алкоголь многих достойных людей сломал. Судьбу им исковеркал.

Георгий Сергеевич замолчал и, усмехнувшись, вновь с удивлением в голосе сказал:

– И все-таки я не понимаю, зачем я тебе это все рассказываю? Настроение, что ли такое говорливое. А еще... У меня есть ощущение, внутренний голос мне подсказывает, что когда-нибудь наши пути пересекутся. Интуиция у меня звериная! Ни разу не подводила. Хорошо, продолжим. Ты еще не устал от моих речей?

Константин отрицательно замотал головой и хотел сказать, что ему очень интересны высказывания Георгия! Впервые с ним разговаривают, как со взрослым, но в этот момент из кухни раздался голос Аркадия:

– Готовность десять минут! Настраивайтесь на ужин.

– Отлично. У нас еще есть время. Вот, кстати, Аркадий. Для тебя Аркадий Семенович. Знакомы мы с ним сто лет! Мужик он необычный, хотя и производит впечатление хмурого и молчаливого. Так вот, он многое повидал, поездил по Советскому Союзу. Искал, где лучше. То там поработает, то в другом месте. В институт по конкурсу не прошел, в армию по здоровью не взяли. А с «белым билетом» сейчас – это все равно, что беспартийным быть! Так вот, попрыгал – попрыгал Гарванец и осел в Колдобинске. Причина этих метаний – отсутствие цели и высшего образования. Нигде он был не нужен без диплома, с «белым билетом». К тому же, Аркадий Семенович не питает добрых чувств к партии, поэтому он не в рядах КПСС. А это в стране, где партия коммунистов – ум, честь и совесть нашей эпохи – не-до-пу-сти-мо! И только сейчас товарищ Гарванец, осознав свои ошибки, взялся изменить жизнь. Поэтому он работает и учится на заочном юридическом факультете университета. Вот так вот!

Теперь коротко о себе. Учился в МГУ на философском отделении. Большие трех лет изучал я всякие теории, в том числе коммунистические. Кстати, знаешь, кто мой любимый

классик марксизма – ленинизма? Людвиг Фейербах! У него есть примечательное утверждение о том, что главное в человеческой жизни – это общение! Сильно, хоть и просто сказано. Это тебе не о кухарке, управляющей государством. Впрочем, Владимир Ильич тоже гений, но, очевидно, злой.

При упоминании Владимира Ильича Константин вздрогнул и поежился, что не осталось без внимания его старшего товарища.

– Что такое? Тебе не понравилось, что я назвал вождя мирового пролетариата злым гением? Ну извини.

– Да нет, что Вы, это я так. Продолжайте, мне очень интересно все, о чем вы говорите, – смущенно произнес Себякин.

– Ну, хорошо. Буду надеяться, что ты искренен, мой друг. Так вот, однажды, я понял, что вся эта философия – не мое! И бросил учиться. Ты представляешь? С четвертого курса сбежал. Зря я так поступил, но ничего вернуть нельзя. Дальше служба в военно-морском флоте. Кстати, полезная вещь. Многому меня научила. И вот, старшиной первой статьи запаса приехал в Колдобинск. Бывший моряк и несостоявшийся философ. Поработал в доме офицеров, потом преподавал в техникуме, пригодилось неполное высшее образование. Профсоюз, даже в колхозе трудился. Все не то! Начал выпивать. Вовремя остановился. И понял свою ошибку! У меня не было цели! Цели не было! Если проще, то не было элементарного плана. Жил и жил. Годы шли, а я все думал, что успею в люди выйти, биографию выстроить.

Вот тебе второй совет, Константин! Уже сегодня в девятом классе наметь себе основные «вехи» в жизни. И помни: лучшие, если ты будешь руководить другими, а не подчиняться кому-то. Но для этого опять-таки диплом нужен, опыт, случай и еще очень много чего. Стремись к свободе, но обязательно женись. Без семьи мужику кисло. Береги родителей. Когда они есть, мы их не замечаем. А нет их... И еще запомни: самые сильные испытания – это испытания властью и деньгами. Запомни. Заруби себе на носу! По глазам вижу, спросить хочешь, откуда я это все знаю? Знаю, Константин. Я философ. И дело не в образовании совсем. Я по складу ума, от рождения философ. А это выше образования. Кстати, очень много исторических примеров, подтверждающих мой вывод об испытаниях властью и деньгами. И даже у нас в Колдобинске такие примеры имеются.

Вот послушай, что пишет о власти известный писатель Цвейг.

Георгий открыл лежащую на тумбочке книгу и через мгновение начал читать: «О, власть с ее взглядом Медузы! Кто однажды заглянул в ее лицо, тот не может более отвести глаз. Кто хоть раз испытал хмельное наслаждение власти, не в состоянии от нее отказаться».

Сильно сказано. Да, Константин? Кстати, Медуза – это из греческой мифологии. Женищина – чудовище, горгона.

Ну и последнее. Я учусь на экономическом факультете, как уже говорил. Курсы закончил на «полиграфе» и ремонтником на нем же и работаю. И цель у меня есть конкретная. Очень надеюсь, что достигну ее. Тогда я буду человеком с большой буквы. И для достижения моей заветной цели ни перед чем не остановлюсь!

Себякин увидел, что лицо у Георгия Сергеевича побледнело. И только крестообразный шрам был красного цвета. Но уже через несколько секунд мужчина успокоился и, улыбаясь, сказал:

– Вот, собственно и все, что я хотел тебе рассказать. А сейчас ужинать. Тем более, что по запахам из кухни ясно: Аркадий готов нас накормить.

Вскоре они уже сидели за небольшим столом и с аппетитом ели приготовленный Аркадием омлет с вареным картофелем и сосисками.

Константин надолго запомнил эту встречу в Колдобинске. Так же, как и советы Георгия Сергеевича.

Костя Себякин вернулся на «малую родину» около пяти часов утра. Домой от вокзала шел пешком. Боялся ли он гнева родителей? Нет! Равнодушно размышлял о том, что ничего они с ним сделать не смогут. Ну, отец покричит, мать поплачет. Так к этому он давно привык.

В дверь Костя постучал не очень сильно. Прошло несколько секунд, и в проеме резко распахнувшейся двери появилась мать. Фаина стояла перед сыном в стареньком халате со всклокоченными волосами и встревоженным выражением лица.

– Привет, я вернулся, – тихо, но с пафосом сказал Костя, опустив глаза.

Мать, не проронив не слова, отступила внутрь прихожей, и юноша проишмыгнул в дом.

– Кто там, Фаина, не Костик? – раздался в тишине сонный голос Владимира Ильича.

Но ему никто не ответил. Себякина подтолкнула стоящего в нерешительности сына и шепотом произнесла:

– Проходи, не бойся. Отец очень переживал. Но уже «отошел». Кричать и ругаться не будет.

Костя с облегчением вздохнул и осторожно открыл дверь в комнату.

Время все лечит. Эпизод с бегством сына обсуждали недолго. Текущие дела и события передвинули поступок Кости на второй план. И только иногда, выпивая, Владимир Ильич вспоминал эти тревожные дни и перед тем, как осушить очередную стопку с водкой, провозглашал:

– За то, чтобы дети не убежали из дома!

Костя оценил поведение и реакцию родителей на свой побег. К тому же, наставления Георгия Сергеевича не пропали даром. Юноша стал постепенно понимать, что рядом с ним под одной крышей живут близкие ему люди. А нищета, бедность... Что ж, попробуй сам достичь в жизни большего. Как отец говорит. Попробуй!

Учиться Костя Себякин стал значительно лучше, хотя в отличники выбиться не удалось: учителя к этому были не готовы.

Два года учебы пролетели незаметно. Постаревшие родители с восхищением отмечали, как возмужал их сын, став симпатичным, уверенным в себе молодым человеком. Влюбленность в учительницу русского языка и литературы у Константина превратилась в любовь к ней, которая не давала ему покоя ни днем, ни, тем более, ночью. Но он уже симпатизировал и одноклассникам, как в сказке на глазах превратившихся из «гадких утят», в красивых «лебедей».

Десятый класс готовился к выпускным экзаменам и школьному балу. И понятно было, какое из двух событий ждали с большим нетерпением!

Все чаще отец и мать Кости беседовали с ним о планах на будущее. Но он был в раздумьях и не мог сделать выбор.

– Константин Владимирович, к Колдобинску подъезжаем, – нарушил тишину в салоне автомобиля водитель.

Заместитель министра открыл глаза и посмотрел в окно. Судя по всему, до областного центра оставалось километров пять.

– Давай, Федор, к гостинице «Радуга», – усталым голосом распорядился Себякин.

– Есть к гостинице «Радуга», – отреагировал по-военному водитель. Сидящий рядом с ним телохранитель Антон продублировал команду шефа в автомобиль с охраной.

– Надолго в Колдобинске задержимся? – спросил Антон, повернувшись к Себякину.

Тот некоторое время не отвечал, как бы раздумывая, а потом неожиданно резко и раздраженно сказал:

– Не знаю! Ждать!

Вновь наступила тишина. Показались первые корпуса жилых домов города.

...Гостиница «Радуга» когда-то была исключительно ведомственной. И только партийные боссы, возглавляющие областной комитет КПСС, могли заказывать в ней номера для приезжающих в командировку ответственных работников. Теперь же это было обычное общество с ограниченной ответственностью, и проживали в «Радуге» все, кто каким-то образом устраивался сюда и платил деньги. Это мог быть и главный архитектор из Калуги, и слесарь-сантехник из Уфы, и генерал из Казани.

Конечно, из администрации области или города могли позвонить и, как в старые времена, дать команду на поселение... Но такое случалось очень редко, и в основном решения принимал директор гостиницы. Вот к нему-то и приехал Себякин. Но не для того, чтобы занять один из номеров и отдохнуть с дороги. Константин Владимирович решил навестить своего давнего приятеля Михаила Владимировича Кулакова, которому Себякин помог когда-то стать директором гостиницы, используя свое служебное положение.

Дружили они давно, но встречались в последнее время не часто. Жили в разных городах, да и времени свободного у обоих совсем не было. Особенно у заместителя министра. Но сегодня, проезжая через Колдобинск, Константин Себякин решил повидать товарища. Причины на то были разные.

Антон открыл заднюю дверь и его начальник, кряхтя, вылез из «Мерседеса».

– Обедайте, – буркнул замминистра телохранителю через плечо.

Работающая еще со времен КПСС администратором гостиницы знакомая женщина улыбалась, встречая важного земляка.

– Какими судьбами, Константин Владимирович?! Очень рада Вас видеть! – елеиным голосом приветствовала она Себякина.

– Взаимно, Нина Павловна, взаимно! Здравствуйте, – слегка касаясь руки женщины, проговорил столичный чиновник.

– Все молодеете, Нина Павловна!

– Вы скажете, Константин Владимирович, у меня внучка скоро замуж выходит. Какая тут молодость, скоро бабушкой буду. Михаил Владимирович у себя. Несколько раз выходил вас встречать, но вы как всегда внезапно появились.

Заместитель министра сделал несколько шагов по коридору и остановился у кабинета директора. Но не успел даже постучать в дверь, как та распахнулась, и перед ним предстал дородный мужчина с седеющей и лысеющей головой. Живот свешивался у него через брючный ремень, а щеки и крупный мясистый нос лоснились.

Это и был директор гостиницы «Радуга» собственной персоной.

– Какие люди и без охраны! – раскинув в стороны руки, громко воскликнул Кулаков.

Хитрые, серые глаза смотрели на Себякина из-под набухших век подобострастно и радостно.

– Горячо и категорически приветствую вас, Константин Владимирович, на родной земле. Прошу с дороги перекусить, чем Бог послал!

– Здорово, Михаил Владимирович, здорово, – проходя в кабинет, ответил на приветствие гость.

Большой журнальный стол был умело сервирован всякими гастрономическими изысками от черной икры до крабов и от устриц до осетрины явно «первой» свежести. Бутылки с виски, вином и минеральной водой сверкали в лучах солнца, пробивающихся через шторы.

– Вот что значит большой руководитель! Приехал, и солнышко из-за туч появилось! – шуточно произнес Кулаков, разливая в хрустальные фужеры минералку.

Залпом выпив прохладную воду, Константин Владимирович сел в кресло, шумно вздохнул и сказал:

– Хорошо! А то я на кладбище столько виски выпил. Так что спас ты меня, Михаил.

Кулаков рассмеялся и, подстраиваясь под тон своего высокопоставленного приятеля, воскликнул:

– Всегда рады помочь Вам и выручить, Константин Владимирович!

– Слушай, заканчивай с «выканьем» и переходи на нормальный язык! Мы с тобой одни и здесь не замминистра, а твой друг Костя. Понял меня? – вновь наполняя водой фужер, выговаривал Себякин.

– Понял, Костя. Не дурак, исправлюсь. Ну, что будем пить за встречу? – присаживаясь к столу и, взяв в руки бутылку виски, вопросительно посмотрел на гостя хозяин кабинета.

– Давай, давай! Наливай своего «Джеймсона» и не задавай глупых вопросов. Только немного, а то я знаю твои аппетиты! – нарочито ворчливо отреагировал на предложение приятеля Себякин.

Взяв в руку стакан с виски и бросив в него кусок льда, заместитель министра произнес:

– Выпьем мы, Миша, с тобой за счастье в нашей и без того радостной жизни!

Закусили черной икрой, доставая ее из вазочки чайными ложками.

Помолчали.

– Судя по угощениям, жизнь у тебя, Мишель, нормально протекает, – одобрительно сказал Себякин, разглядывая директора гостиницы.

– С Вашей помощью... Извини. Спасибо тебе, Костя. Ты мне очень помог!

– Да, помог! Здорово помог! – многозначительно сказал заместитель министра.

– Понял! – среагировал Михаил Владимирович на реплику и достал из кармана пиджака конверт.

Себякин стал озираться по сторонам, но через мгновение быстро переправил подношение в портфель.

– Как всегда? – пытаюсь съесть устрицу, спросил чиновник.

– Оф кос, шеф! А ты бы ее ложечкой, мамочку, – посоветовал Кулаков приятелю, как успешнее справиться с экзотической закуской.

– Учи ученого, Миша, – снисходительно проговорил замминистра и пальцами ловко отправил устрицу в рот.

– Лучше расскажи, что нового в губернии? Как Пугачев управляется? – задал, наконец, Себякин вопросы, ради ответов на которые он, собственно, и заехал в Колдобинск.

Конечно, его интересовала сама встреча со старым товарищем, но...

Он давно стал другим человеком. Совсем другим, по сравнению с тем молодым парнем, который радовался каждому заработанному рублю и был неприхотлив в еде, был рад встречам с приятелями и дружеским застольям.

Сейчас его больше вдохновляли сведения о событиях во властных структурах Колдобинска и содержимое конвертов, которые ему периодически вручали за разные услуги, как, например, сегодня. Себякин очень радовался зеленым дензнакам США.

Любовь Константина Владимировича к валюте была известна в министерстве многим. И не случайно его за глаза стали называть «СКВ», что одновременно являлось и аббревиатурой фамилии, имени и отчества. Финансовых проблем у «СКВ» не существовало давно. Однажды он сорвал большой куш! Но это была запретная тема для всех. Значительно улучшив свое материальное положение, Константин Владимирович двигался по карьерной лестнице, используя связи своего шефа и покровителя и, конечно, с помощью денег. Но вот уже несколько месяцев Себякин раздумывал над возможностью попробовать себя на губернаторских выборах, которые должны были состояться через полгода. Но решение необходимо было принимать сегодня! Через месяц, возможно, будет поздно.

Зачем ему, заместителю министра, человеку состоятельному и обеспеченному на многие годы вперед и деньгами, и недвижимостью, в том числе и за рубежом, пост губернатора, Константин Себякин и сам до конца не понимал. Но что-то «свербило» в душе ежедневно.

Желание стать единоличным властителем в большой губернии все больше занимало его. Перед мысленным взором проплывали картины его «царствования» на троне первого лица Колдобинской области. Приемы, подношения, возможность решать судьбы людей и никому при этом не подчиняться – за это можно было многое отдать! Была и еще одна немаловажная причина. Ему очень хотелось выйти из-под влияния человека, с которым судьба его намертво связала и которому он был обязан всем! Сегодня они стали врагами!

К тому же, новый министр невзлюбил Себякина с первой встречи и предпринимал попытки перевести его на другую должность. Поэтому кресло губернатора могло стать для чиновника «соломинкой».

Однако все было непросто...

– Что нового? – переспросил директор гостиницы «Радуга», разливая новые порции виски в стаканы со льдом.

– Да так. Ничего особенного. Вот разве что на губернатора нашего начались «наезды» отовсюду. Трудные времена сейчас переживает Харитон Алексеевич! Ох, трудные!

– Не причитай ты, Миша! Говори яснее. У Пугачева все время трудные времена. Что тебе конкретно известно? – с легким раздражением в голосе задал вопрос Себякин.

– Хорошо, Костя. Буду конкретен и краток. Короче, Харитон влип в очередную историю. Какие-то облигации закупили на деньги из бюджета. И все, дескать, для того, чтобы администрация получила возможность увеличить расходы на социальные проекты! Чушь какая-то несусветная! Ну вот. А тут зима накатила, морозы. Деньги нужны на отопление, электроснабжение, а они на облигации потрачены! Ну а когда народ мерзнет, он звереет!

Вот на Пугачева и набросились все, кому не лень! Можно подумать, что это первая афера губернатора за семь лет. Сколько их было! Кстати, с облигациями это уже второй случай. Помнишь – при тебе? Ну, когда ты руководил здесь финансовым контролем? Но тогда обошлось! И снова на те же грабли наступил!

Но! Политический момент таков, что его надо иметь под колпаком сегодня. Правда, сам Харитон посмеивается и себя ведет очень уверенно. На третий срок собирается. Но, кажется мне, свалят его московские.

Собственно, и все новости. Остальные сведения и события пустячные. Разве что еще одно: мэра атакуют со всех сторон, как и Пугачева. Думаю, уберут его до губернаторских выборов, чтобы лишних конкурентов не было. Как бы еще и в мир иной не отправили. Ставки-то высокие. Вот такие дела.

Кулаков выдохнул и, отпив из стакана виски, молча стал ждать реакцию гостя.

Но Себякин безмолвствовал. Не обращая внимания на взгляды и кряхтения Михаила, он размышлял.

Через несколько минут заместитель министра неожиданно поднялся с кресла и, потянувшись, сказал:

– Спасибо, Миша. За угощение, за материальную помощь, за информацию. Твоя щедрость меня успокаивает. Ты настоящий друг. Ехать мне надо. Вечером еще к министру успеть. Так что не обижайся.

Константин Владимирович похлопал Кулакова по плечу, крепко пожал ему руку и быстро вышел из кабинета растерявшегося директора.

Влезая в автомобиль, Себякин скомандовал:

– В Москву! И быстро!

... Через десять минут автомобили со спецномерами выехали Колдобинска.

У недавнего десятиклассника Кости Себякина еще не было твердого решения по выбору института, но все-таки некоторые предпочтения после встречи с Георгием и Аркадием в Колдобинске у него появились.

Кроме размышлений о перспективах своего образования, Константин часто и с беспокойством вспоминал необычное событие, произошедшее с ним.

...Случилось это в начале лета. В один из вечеров он шел домой после тренировки. Уже три года Костя Себякин занимался боксом. Особых успехов у него не было, но уверенности в своих силах и мужественности явно прибавилось.

Когда он вышел на аллею, то вдруг услышал знакомый женский голос:

– Костя!

Обернувшись, юноша увидел в нескольких шагах от себя учительницу русского языка и литературы.

– Здравствуй! – улыбаясь и протягивая ему руку, проговорила Ирина Олеговна.

– Домой спешишь с тренировки?

– Угу! – буркнул Себякин, краснея от смущения.

– Ну и как успехи? Кого сегодня побил? – игриво задавала вопросы учительница.

– Да так: с переменным успехом! – постепенно осваиваясь и обретая уверенность, ответил Костя.

Они стояли напротив друг друга, и Себякин чувствовал легкий запах духов. Дыхание у юноши перехватило и он, неожиданно для Ирины, а, вероятно, и для себя, обнял ее и неуклюже поцеловал в губы.

Панфилова удивленно, но одобрительно посмотрела на юношу и, вдруг обхватив голову бывшего ученика руками, притянула ее к своему лицу.

– Скажи, Костя, а у тебя уже была девушка? – тихо задала вопрос Ирина Олеговна.

– Девушка... Нет, у меня никого не было еще. А у Вас?

Себякин не стал дожидаться ответа. Руки его заскользили по телу женщины. Ирина не сопротивлялась и только шептала в ухо Кости:

– Не торопись... Не торо...

... Константин Себякин поднялся и подтянул брюки. Он не смотрел на Ирину, которая все еще лежала на спине без движений.

– Я что – теперь должен жениться на Вас? – вдруг спросил юноша.

Учительница открыла глаза и резко встала. Она погладила Костю по плечу и...засмеялась. Смеялась Ирина Олеговна тихо, но заливисто.

– Нет, Костик, жениться тебе не нужно. Рано еще. И потом то, что у нас произошло – это спорт. Ну, как бокс. Кстати, как раз один раунд мы и «отсоревновались». А у тебя точно еще такого не было? – приводя одежду в порядок, спросила женщина.

– Да было у меня все и не раз! Я говорить Вам не хотел, – грубовато ответил Себякин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.